

США И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ИРАНЕ 1953 года (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ЦРУ)

Обращение к событиям шестидесятилетней давности сегодня может быть обосновано не спадающим на протяжении многих лет напряжением вокруг Ирана. Несмотря на очевидное стремление нынешнего президента США Б. Обамы дистанцироваться от воинственной риторики и практики администрации Дж. Буша-младшего и в целом изменить внешнеполитический вектор страны, которое он последовательно демонстрировал на протяжении первого срока пребывания в Белом доме, международное сообщество по-прежнему находится в ожидании того, что в ответ на неуступчивость М. Ахмадинижада может предпринять Запад. Сегодня, когда ближневосточный регион вновь является эпицентром международной напряженности, а западные страны, не успев проанализировать итоги недавней ливийской кампании, убеждают мировое сообщество в необходимости следующих, теперь уже направленных против Сирии действий, иранская проблема приобретает еще большую остроту. В этих условиях возникает потребность понять сегодняшнюю непростую ситуацию посредством возвращения к ее истокам. И здесь ретроспективный взгляд исследователя неизбежно останавливается на событиях 1953 г.

Сейчас уже можно судить о долгосрочных последствиях переворота, причем, как показало время, не только для Ирана, но и для всего мира. Свержение премьер-министра М. Мосаддыка поставило точку в процессе начатых в стране демократических преобразований. Политика шаха М. Реза Пехлеви, вернувшегося на трон благодаря ЦРУ и на протяжении четверти века правившего страной с постоянной оглядкой на США, привела к революции 1978–1979 гг., передавшей власть в руки антиамерикански настроенных клерикалов.

Иранская революция была закономерной и уникальной одновременно. И эта вторая ее черта проявилась, в частности, в том, что произошла она в стране, связанной с США прочнейшими узами. Монарх, армия, секретные службы, средства массовой информации, одним словом, практически все властные структуры страны были подконтрольны старшему заокеанскому партнеру. Революция, принесяшая с собой небывалую антизападную волну и необычайно мощный всплеск народного негодования, стала не просто неприятной неожиданностью для американцев – она поколебала уверенность в базовых внешнеполитических подходах, отработывавшихся на протяжении многих лет. Именно в 1979 г., во время кризиса с заложниками, в США впервые “всерьез” вспомнили о М. Мосаддыке и событиях 1953 г. Объясняя жесткость и неговорчивость захвативших посольство иранских студентов, американцы – как политики, так и ученые – не могли не понимать того обстоятельства, что террористы на “генетическом” уровне опасались повторения событий двадцатипятилетней давности: революция изгнала ненавистного шаха, но где гарантии, что вновь не придет ЦРУ и не водворит его на прежнее место?

Глазунова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Впоследствии о свержении законно избранного правительства Ирана в американских политических кругах и научном сообществе вспоминали все чаще. После 11 сентября 2001 г. в США стало появляться все больше статей и выступлений, указывавших на тесную связь терактов с событиями 1953 г. Напрямую связала деятельность ЦРУ в Иране с сентябрьскими событиями не так давно опубликованная в США работа С. Кинзера “*Вся шахская рать*”, имеющая характерный подзаголовок – “*Американский переворот и корни ближневосточного террора*”¹. Неоднократно возвращался к событиям 1953 г. президент Б. Обама: в июне 2009 г., в Каире, обращаясь к мусульманам мира, он признал, что именно США организовали свержение правительства М. Мосаддыка².

Возрождение интереса к сюжетам, связанным с событиями 1953 г., обусловлено и обстоятельством, имеющим особенное значение для профессиональных историков, – расширением круга источников. Дело в том, что сам факт причастности США к свержению М. Мосаддыка давно известен и сомнению не подвергается. В то же время ситуация с иранским переворотом выглядит парадоксальной: одно из наиболее одиозных и нашумевших событий “холодной войны”, на протяжении долгого времени практически не имело документального подтверждения. Прежде всего, это относится к американским источникам, которые были засекречены. Историкам приходилось ограничиваться в основном документами британского Министерства иностранных дел³. В силу дефицита источников ряд проблем, связанных с иранскими событиями, оставался нераскрытым. Споры вызывали вопросы о соотношении внутренних и внешних факторов конфликта, о мотивах, которыми руководствовалась американская администрация. Для ответов на все эти вопросы историкам были нужны факты, детали. А они-то как раз и оставались тайной за семью печатями.

Разработчики операции ТРАЈАХ (или просто “Аякс”) – именно так интеллектуалы из ЦРУ нарекли план свержения правительства суверенной страны – уже тогда позаботились о том, чтобы тщательно замести следы. Многие документы были просто уничтожены. Однако американские историки прекрасно понимали, что основной массив бесценных для них документов оставался запертым в недрах главного разведывательного ведомства США. И начали за эти документы если не войну, то в полном смысле слова тяжбу. Истцом в продолжавшемся несколько лет судебном процессе выступал Архив национальной безопасности⁴, ответчиком – ЦРУ США.

Рассказ об этой борьбе вполне мог бы стать самостоятельной сюжетной линией. По прошествии полувека детективная история операции “Аякс” неожиданно получила чуть ли не столь же острое по сюжету продолжение. До начала 90-х годов XX в. ЦРУ отрицало существование “иранского” архива. После завершения “холодной войны” ситуация стала меняться. Начиная с 1991 г. три последовательно сменявших друг друга главы разведывательного ведомства США публично обещали открыть материалы, касающиеся операций ЦРУ периода “холодной войны”, в том числе и иранской. Однако в 1998 г., ссылаясь на инструкции по ограничению доступа к секретным материалам, директор ЦРУ Дж. Тенет отказался от обещаний, что и вынудило Архив национальной безопасности на основании принятого конгрессом в 1974 г. закона о свободном доступе к информации обратиться в суд⁵.

¹ Kinzer S. *All the Shah's Men. An American Coup and the Roots of Middle East Terror*. New Jersey, 2008.

² <http://tolishpress.org/news/732.html>

³ Foreign and Commonwealth Correspondence and Records from 1782. – http://www.nationalarchives.gov.uk/search/search_results.aspx?Page-1&QueryText-Iran+1953&SelectedDatabases-A2A%7cARCNON%7cBOOKSHOP%7cCABPAPERS%7cEROL3%7cMOVINGHERE%7cNRA%7cNRALISTS%7cPREM19%7cRESEARCHGUIDES%7cE179%7cWEBSITE%7cTRAFALGAR

⁴ Архив национальной безопасности – созданная в рамках проекта Фонда мира при Университете Дж. Вашингтона некоммерческая организация, в которую входят научно-исследовательский институт и библиотека.

⁵ CIA Sued Over Broken Promises on Declassification. – <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB28/>

Начало судебных слушаний вызвало в США широкий резонанс. Однако главный импульс процессу рассекречивания документов был задан не каким-либо судебным постановлением, а серией сенсационных публикаций газеты “New York Times”⁶. В результате организованной журналистами утечки информации историки получили то, что так долго ждали. Один из ветеранов ЦРУ, специалист по Ближнему Востоку и истории искусств, участник и впоследствии “летописец” “Аякса” Д. Уилбер передал газетчикам сохранившуюся у него копию аналитического отчета об операции. Документ имел откровенное название – “Свержение премьер-министра Ирана Мосаддыка. Ноябрь 1952 – август 1953”⁷. Сложно судить о мотивах поступка. Несомненно лишь, что благодаря Д. Уилберу ЦРУ вынуждено было признать факт существования иранского архива.

В “New York Times” опубликовали отчет Д. Уилбера о проведенной в Иране операции, написанный в марте 1954 г. Это был один из немногих документов, уцелевших после того, как без малого две тысячи страниц материалов, согласно показаниям в суде бывших руководителей ЦРУ, “по недоразумению” или «в процессе “рутинной работы”» сотрудники ведомства уничтожили еще в 60-х годах XX в.⁸ Отчет был подготовлен на основе донесений и инструкций, которыми обменивались сотрудники штаб-квартиры агентства в Вашингтоне и непосредственные исполнители плана на местах, секретных каблогамм, переговоров Д. Уилбера с иранскими агентами ЦРУ и т.д. Основной текст сопровождался приложениями, значимость которых трудно переоценить. Так, например, в документе «Начальный план Операции “ТРАЈАХ”» были подробно расписаны и распределены между ЦРУ и британской спецслужбой финансовые затраты по различным статьям подготовки переворота, и разъяснялись его заранее предусмотренные варианты – “полулегальный” (фирман шаха о назначении нового премьер-министра), а в случае его провала уже совсем нелегальный – военный переворот⁹.

Неожиданное появление документов вызвало в США волну разоблачений и скандалов. Сотрудникам ЦРУ пришлось оправдываться. По мере продолжения публикаций их объяснения становились все более запутанными и невнятными. Сегодня приходится признать, что на протяжении практически десяти лет судебной тяжбы американскому разведуправлению удавалось эффективно отбиваться от требований общественности открыть доступ к документам. Для этого были серьезные причины: от невозможности раскрыть профессиональные методы работы спецслужб и ущерба для репутации ныне здравствующих исполнителей плана “Аякс” до угрозы национальной безопасности США.

Что-то рассекречивалось просто “для галочки”. Иногда мероприятия, анонсируемые чиновниками из ЦРУ как шаги “навстречу пожеланиям общественности”, выглядели курьезно. Еще до разоблачительных публикаций “New York Times” было рассекречено одно предложение из 200-страничного отчета Д. Уилбера: “Штаб-квартира провела день в состоянии уныния и отчаяния”¹⁰.

Рассекреченные документы – лишь малая толика из двух тысяч страниц, предположительно содержащихся в архиве ЦРУ. На их основе мы кратко представим канву событий и попытаемся рассмотреть вопрос о мотивах, которыми руководствовались США, решаясь на довольно рискованное предприятие – свержение законного, демократически избранного правительства суверенной страны.

⁶ Secrets of History: The CIA in Iran. – <http://www.nytimes.com/library/world/mideast/041600iran-cia-index.html>

⁷ Wilber D.N. *Clandestine Service History*. “Overthrow of Premier Mossadeq of Iran. November 1952 – August 1953” March, 1954. The Secret CIA History of the Iran Coup, 1953. – National Security Archives Electronic Briefing Book № 28, p. 17. – <http://www.gwu.edu/~nsarchive/NSAEBB/NSAEBB28/>

⁸ The Secret CIA History of the Iran Coup, 1953. Index. – Ibidem.

⁹ Appendix A “Initial Operational Plan for ТРАЈАХ as Cabled from Nicosia to Headquarters on 1 June 1953/ *Clandestine Service History, Appendices*.

¹⁰ The Secret CIA History of the Iran Coup, 1953. Index. – National Security Archive Electronic Book № 28.

Когда говорят о “пробуждении Азии”, в первую очередь, это должно относиться к Ирану. С конца XIX в. Иран фактически был полуколонией. Страну поделили между собой Великобритания и Россия. Огонь национально-освободительной борьбы вспыхнул здесь раньше, чем во многих других зависимых государствах и полыхал на протяжении двух первых десятилетий XX в. Уже тогда Иран, явивший собой пример непокорности чужеземным хозяевам, не на шутку их испугал. И неслучайно, что, пытавшуюся решить внутренние проблемы революцию 1911 г. подавили извне, а новое шахское правительство официально признало англо-русское соглашение о разделе страны на сферы влияния.

Проблема зависимости страны от иностранцев стала восприниматься в Иране чрезвычайно болезненно. На рубеже 40–50-х годов XX в. она обострилась. Когда иранцы возмутились несправедливостью условий эксплуатации природных ресурсов страны и ее народа иностранцами, их гнев обрушился на Англо-иранскую нефтяную компанию (АИНК), которая стала символом чужеземного угнетения.

Национально-патриотическим силам Ирана нужен был лидер и он появился. Умного, харизматичного и главное – точно уловившего настроения иранского общества политика звали Мохаммад Мосаддык.

Доктор юриспруденции, получивший европейское образование, богатый землевладелец, придерживавшийся либеральных взглядов, в свои 70 лет М. Мосаддык был убежденным сторонником независимости Ирана. В 1949 г. он возглавил патриотически настроенную коалицию светских и религиозных партий – Национальный фронт. Одним из ключевых требований объединения являлась отмена неравноправного договора 1933 г., согласно которому нефтяные месторождения сроком на 60 лет сдавались в концессию принадлежащей Великобритании АИНК. В марте 1951 г. меджлис единогласно принял закон о национализации нефтяной промышленности. Это решение превратило М. Мосаддыка в самого популярного политика страны. Полтора месяца спустя шах был вынужден назначить лидера Национального фронта премьер-министром. Он возглавил первое действительно демократическое правительство за всю долгую историю страны. М. Мосаддыка поддерживало большинство иранцев.

Решение меджлиса вызвало негодующую реакцию со стороны Великобритании. Расценив национализацию АИНК как опасный прецедент для всего Среднего Востока, Лондон обвинил М. Мосаддыка в попрании законных прав компании. Англичане подали иск в Международный арбитражный суд и начали экономическую блокаду Ирана. При этом вступила в действие традиционная для англичан “дипломатия канонерок”: блокада осуществлялась при поддержке эскадры Военно-морского флота. Лондон начал тайную игру, направленную на дискредитацию кабинета М. Мосаддыка и лично премьер-министра. Несмотря на эти откровенные антииранские шаги, Лондон направил в Тегеран переговорную миссию.

Международный суд, сославшись на отсутствие юрисдикции, фактически согласившись с позицией М. Мосаддыка, оставил право решения вопроса о национализации на усмотрение Ирана. Надежды британских властей на международно-правовую поддержку не оправдались. Планы дипломатического решения проблемы также не принесли желаемых результатов. Англичане намеревались организовать новую концессию, условия которой были подготовлены британской стороной и касались, главным образом, вопроса о перераспределении доходов АИНК, или хотели получить от иранского правительства компенсацию потерь всей “недобытой” нефти вплоть до оговоренной в прежнем соглашении даты – 1990 г. Последнее условие М. Мосаддык отверг. Переговоры проходили в чрезвычайно нервной атмосфере и неоднократно прерывались. Достижение результата стало еще более проблематичным после того, как в октябре 1951 г. к власти в Великобритании пришло правительство во главе с У. Черчиллем. Английские консерваторы не желали вести переговоры с М. Мосаддыком и всерьез обсуждали возможности его смещения и замены более сговорчивым политиком.

Большое значение англичане придавали тайным мероприятиям. Они подкупали членов межджиса, военных чиновников и представителей высшего духовенства. Организованная англичанами экономическая блокада повлекла за собой неблагоприятные как экономические, так и политические последствия. В результате национализации нефти популярность М. Мосаддыка выросла. Люди осознали, что правительство способно решить их насущные проблемы. Но подспудно это способствовало росту ожиданий народа, надеявшегося, что государство пойдет по пути углубления реформ. Несмотря на предпринятые правительством меры, позволившие смягчить последствия блокады, социально-экономическая ситуация в стране была сложной¹¹. Учрежденная взамен АИНК Национальная иранская нефтяная компания из-за бойкота не могла торговать своей продукцией, за исключением небольших объемов продаж игнорировавшим блокаду итальянским и японским компаниям. Доходы Ирана от нефтяной индустрии резко сократились. И произошло это в тот момент, когда перед правительством стояли очень серьезные задачи – обеспечение людей работой, строительство инфраструктуры городов и сельской местности и т.д.

В июле 1952 г., когда между премьер-министром и шахом произошел конфликт по поводу вакантного поста военного министра, англичане едва не добились желаемого результата. М. Мосаддык подал в отставку. Скорее всего, уход М. Мосаддыка был хорошо просчитанным политическим маневром. Новым премьер-министром шах, с учетом пожеланий Туманного Альбиона, назначил Ахмада Кавама. Для англичан это назначение дорого обошлось: народное восстание 21 июля триумфально вернуло М. Мосаддыка к власти.

Положение англичан осложнилось в октябре 1952 г., когда М. Мосаддык, на том основании, что Великобритания вмешивается во внутренние дела страны, принял решение о разрыве с ней дипломатических отношений. Это окончательно утвердило британских политиков во мнении, что без поддержки Вашингтона им ничего не добиться. Обращение за помощью к США обозначило важный рубеж не только в истории трех стран, но и международных отношений в целом. Эра британского господства в Иране пришла к концу – там занималась американская заря.

* * *

Вашингтон с самого начала активно участвовал в переговорном процессе по урегулированию англо-иранского конфликта. Роль посла доброй воли, по решению президента Г. Трумэна, была поручена влиятельному в США либеральному политику А. Гарриману. Источники свидетельствуют, что поначалу Вашингтон был заинтересован в разрешении конфликта и не имел намерений по-крупному в него вовлекаться.

Хотя США поддерживали организованный Великобританией неофициальный нефтяной бойкот, американская политика в отношении правительства Ирана при президенте Г. Трумэне была весьма сдержанной. Летом 1951 г. американцы отговорили англичан от планов вторжения в Иран и всячески убеждали их в необходимости занять более умеренную позицию на переговорах. Частые заявления американских представителей о поддержке М. Мосаддыка способствовали укреплению позиций его правительства. Они вселяли в иранцев надежду на успешное завершение переговоров.

На фоне этой вполне мирной и спокойной картины принятое Вашингтоном в 1953 г. решение о проведении секретной операции по свержению иранского премьера выглядит особенно удивительным. Что же обусловило столь значимые перемены в американской политике? Какой комплекс факторов заставил Вашингтон так серьезно пересмотреть политику в отношении Ирана и, отступив от поддержки законного правительства страны, осуществить там государственный переворот?

¹¹ Подробнее об экономической ситуации в Иране и последствиях блокады см.: *Heiss M.A. The International Boycott of Iranian Oil and the Anti-Mosaddeq Coup of 1953. – Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran. Syracuse University Press, 2004.*

Самым простым ответом на этот вопрос здесь могла бы быть ссылка на факт смены администраций Белого дома. Действительно, ситуация в американо-иранских отношениях после победы республиканцев на выборах 1952 г. заметно изменилась. Окончательное решение об отстранении М. Мосаддыка от власти было принято тандемом братьев Даллесов, известных своей склонностью к акциям подобного рода, при непосредственном участии президента Д. Эйзенхауэра. Однако такое объяснение представляется неполным и поверхностным: позиция Г. Трумэна и его окружения в отношении Ирана на протяжении двух последних лет пребывания в Белом доме не была статичной, а претерпевала серьезные изменения.

Иранские события 1951–1953 гг. нельзя рассматривать вне общего контекста внешней политики США и вне развития общемировой ситуации, которая в тот момент характеризовалась стремительным углублением противоречий двух полюсов международной системы и началом одного из самых острых за всю историю “холодной войны” ее этапа. Взгляды демократической (впрочем, как и сменившей ее республиканской) администраций определялись довольно сложным сплетением стратегических и идеологических мотивов, свойственных американскому политическому мышлению в разгар “холодной войны”.

В первые послевоенные годы эксперты, работавшие в администрации Г. Трумэна, убеждали президента, что регион Большого Среднего Востока, хотя и не является наиболее важным и приоритетным направлением политики США (скажем, по сравнению с Западной Европой и Японией), но, тем не менее, имеет огромное значение. Что касается непосредственно Ирана, то уже тогда это государство в силу своего геостратегического положения рассматривалось в качестве важного элемента в глобальном противостоянии Запада и Востока. Г. Трумэн, памятуя о послевоенном кризисе в иранском Азербайджане, полагал, что советское руководство имеет агрессивные намерения в Иране. Опасения президента подтверждались аналитическими данными американской разведки. В Вашингтоне считали, что Москва вряд ли пойдет на развязывание открытой войны. Скорее, полагали американские эксперты, коммунисты начнут опробовать варианты по свержению неугодной им власти, “инфильтрации и кооптации” своих агентов по всей периферии системы международных отношений, и в том числе, в Иране¹². Послевоенные события в Греции и Турции подлили масла в огонь. Несмотря на отсутствие данных о вовлеченности СССР в гражданскую войну, наличия в Греции активной действующей коммунистической партии было достаточно, чтобы в Вашингтоне идентифицировали ее с “советской угрозой”. Когда в 1946 г. советское руководство обозначило заинтересованность в отношении Дарданелл и предложило Турции план совместной обороны пролива, в Вашингтоне это интерпретировали в качестве шага, который не только предоставит СССР доступ к Средиземноморью, но и “естественным ходом приведет к тому, что Греция, Ближний и Средний Восток попадут под советский контроль”¹³.

Эти опасения нашли отражение в аналитическом исследовании американских внешнеполитических экспертов, получившем по имени ближайших советников Г. Трумэна название доклада Клиффорда-Элси. Его авторы оценивали политику Москвы как стремление к “мировому доминированию” и рисовали угрожающую картину “распространения советской военной мощи в ареале жизненно важных американских интересов”. Воинственный тон доклада, в котором Америке рекомендовалось быть готовой к оказанию Советам “энергичного сопротивления”, допускающего в случае необходимости и употребление “языка силы”¹⁴, насторожил Г. Трумэна. Президент отдал распоряжение

¹² Possibility of Soviet Aggression Against Iran, July 27, 1950. – Assessing the Soviet Threat: The Early Cold War Years, Doc. 185. Washington, 1997.

¹³ Truman H.S. Years of Trial and Hope, v. II. Garden City – New York, 1956, p. 97.

¹⁴ American Relations with the Soviet Union: A Report to the President by the Special Counsel to the President, September 24, 1946. – Krock A. Memoires: Sixty Years on the Firing Line. New York, 1968, p. 419, 468–470.

немедленно уничтожить еще не разошедшиеся копии доклада, за исключением нескольких экземпляров, которые он на всякий случай запер у себя в сейфе.

Именно в докладе Клиффорда-Элси говорилось о “политическом вакууме” на Ближнем и Среднем Востоке, который, если не принять вовремя адекватных мер, Кремль немедленно заполнит. Провозглашенная в 1947 г. доктрина Трумэна была, в сущности, облегченной версией доклада. Однако, хотя концепция “сдерживания” и призывала реагировать на “агрессивные советские устремления”, где бы они ни обозначались, пока Иран не входил в список главных внешнеполитических приоритетов Вашингтона.

Тем не менее, определенные меры по “сдерживанию” были предприняты и там. Мощным импульсом к этому явились события 1948 г. в Праге. С точки зрения американского руководства, они подтверждали предположение о том, что СССР будет прилагать усилия к распространению влияния политическими, экономическими и психологическими методами. Следовательно, и противостоять им нужно таким же образом. Учрежденная в 1947 г. новая правительственная структура – ЦРУ – получило развернутую директиву (СНБ-10/2), содержащую перечень необходимых действий. В русле этих установок сотрудниками ЦРУ была разработана программа “противостояния подрывной деятельности СССР” в отношении Ирана. Дорогостоящая операция – на нее было ассигновано один млн долл. в год – носила кодовое название TRVEDAMN и предполагала комплекс весьма разноплановых мероприятий. Он включал в себя публикацию в прессе статей и карикатур, направленных против левой партии Туде – Народной партии Ирана –, имевшей марксистско-ленинскую ориентацию, финансирование представлявших правую ориентацию политиков и близких к ним по взглядам религиозных деятелей, а также провоцирование уличных волнений и насильственных действий с целью обвинить потом в этом коммунистов. Действия, направленные на то, чтобы настроить иранцев против Туде, на языке американских разведчиков именовались “черной пропагандой”¹⁵.

События рубежа 40—50-х годов XX в. – испытание атомной бомбы в СССР, провозглашение КНР, Корейская война – не могли не повлиять на настроения в Белом доме. Они подтверждали худшие опасения американских аналитиков в отношении “глобальности” советской угрозы. Корейская война стала для американцев своеобразной калькой, к которой примеривались любые события. Различия между “жизненными” и “периферийными” интересами США, по сути, были стерты, а ближневосточный регион по важности стал рассматриваться в Вашингтоне вторым после Западной Европы¹⁶.

Одним из определяющих факторов политики Вашингтона в отношении региона в целом и Ирана, в частности, безусловно, была нефть. Однако руководство США видело в ближневосточной нефти не коммерческую, а стратегическую ценность – именно в этом заключалась огромная разница между восприятием иранских событий в Лондоне и Вашингтоне. Значение нефти оценивалось Вашингтоном с точки зрения защиты “западной демократии”. Это прослеживается практически с первых же страниц доклада Д. Уилбера. Упомянув о провале британцев на переговорах, он не говорит о “британских” или “американских” интересах, а употребляет термин “интересы западных стран”¹⁷. В послевоенные годы американцы чрезвычайно нуждались в ближневосточной нефти для восстановления Западной Европы и Японии. В среднем Иран производил 660 тыс. баррелей в день, около трети всей ближневосточной продукции. Почти треть очищенной нефти, которой снабжалась Европа, обеспечивалась принадлежавшим АИНК нефтеперерабатывающим комплексом в Абадане. Действовавшие в регионе британские и американские военно-морские и военно-воздушные силы напрямую зависели

¹⁵ *Gasiorowsky M.J.* The 1953 Coup d'Etat Against Mosaddeq. – Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran, p. 235.

¹⁶ *Byrne M.* The Road to Intervention. Factors Influencing U.S. Policy Toward Iran, 1945—1953. – *Ibid.*, p. 213.

¹⁷ *Wilber D.N.* Clandestine Service History, “Overthrow of Premier Mossadeq of Iran...”, p. iii.

от ближневосточного топлива¹⁸. Помимо иранской нефти как таковой, значение Ирана для американцев заключалось еще и в том, что он выполнял функции буфера между СССР и главными нефтяными месторождениями Персидского Залива.

Нельзя сбрасывать со счетов и “коммерческий аспект” иранской нефти. То, что американские компании еще до войны с вожделием глядели в сторону региона, факт неоспоримый. Случаи лоббизма и давления на членов конгресса со стороны вовлеченного в иранскую интригу бизнес-сообщества признавал и сам госсекретарь США Д. Ачесон. Однако упоминал он об этом с явным неудовольствием и лишь в качестве аргумента в пользу урегулирования ирано-британского спора¹⁹.

Сдерживать давление нефтяных компаний госсекретарю было непросто. Убежденный либерал, он прекрасно понимал щекотливость проблемы, фактически вышедшей за пределы политики в чисто правовое поле: Иран не просто посягал на священное право собственности, но и создавал прецедент, который угрожал американским корпорациям, контролировавшим сырье в странах “третьего мира”. Но Д. Ачесон, так же как и многие другие вовлеченные в процесс урегулирования иранской проблемы высшие чиновники и политики (в первую очередь помощник госсекретаря Дж. МакГи и А. Гарриман), полагал, что если Иран “упадет за железный занавес”, результат будет значительно хуже, чем национализация. Главной задачей госсекретаря было удержать доступ к иранской нефти и сохранить эту “критически” важную страну в орбите Запада. Средством реализации этой задачи, с точки зрения главы внешнеполитического ведомства США, могло стать взаимоприемлемое англо-иранское соглашение. Поэтому, несмотря на сопротивление англичан, госдепартамент настаивал, чтобы они признали факт национализации и уступили прибыль от нефтедобычи, поделив ее “50 на 50”, т.е. – по тому же принципу, на который к тому времени уже согласились американские нефтяные компании в Венесуэле и Саудовской Аравии. Одновременно высшие чиновники госдепартамента убедили Совет по национальной безопасности и президента Г. Трумэна в целесообразности принятия пакета мер военной помощи Ирану и утверждения проектов технического содействия в рамках программы “Четвертого пункта”. Таким образом, склоняя британцев на уступки и оказывая разностороннее содействие Ирану, в госдепартаменте рассчитывали “умиротворить” М. Мосаддыка и “перенаправить” вектор иранского национализма, нацелив его на борьбу с коммунистической идеологией.

Однако развитие ситуации вокруг иранской нефти не способствовало реализации американских планов. В конце лета 1951 г. В Вашингтоне признали, что дипломатический процесс в очередной раз захлебнулся. Американцы с тревогой наблюдали за тем, как уставшие от бесплодных переговоров англичане выводят персонал с месторождений и укрепляют флотилию в Персидском заливе. 27 сентября 1951 г. иранские вооруженные силы взяли под контроль нефтеперегонный комплекс в Абадане. А. Гарриман все больше раздражался по поводу несговорчивости англичан, но неуступчивость и упрямство М. Мосаддыка злили его не меньше. Пробуксовку переговорного процесса американский политик и дипломат в значительной степени связывал с особенностями личности иранского премьера. Он сообщал в Вашингтон, что с М. Мосаддыком невозможно иметь дело. Он подчеркивал, что идея использования вооруженной силы, которая по-прежнему вынашивалась Великобританией, могла сыграть на руку иранским коммунистам²⁰. Администрация, руководство госдепартамента и министр обороны Р. Ловетт разделяли эту точку зрения, считая, что столь опрометчивые действия со стороны англичан могли спровоцировать Москву на ответные шаги вплоть до попыток взять под контроль нефтяные месторождения Ирана. Уверенность А. Гарримана, что к

¹⁸ NSC 107/1 “Position of the United States with Respect To Iran”, 6 and 20 June 1951, Record Group 273; NIE 14 “Importance of Iranian and Middle East Oil”, 8 January 1951. – Foreign Relations of the United States, 1951, № 5, p. 270.

¹⁹ Цит. по кн.: *Byrne M.* The Road to Intervention, p. 325.

²⁰ *Leffler M.P.* Preponderance of Power. National Security, Truman Administration, and the Cold War. Stanford, 1992, p. 487.

отстранению М. Мосаддыка от власти может привести ухудшение социально-экономической обстановки в Иране, также находили в Вашингтоне понимание. Следовательно, считали там, экономическое давление и тайные операции в тот момент являлись оптимальным вариантом.

Одновременно с дипломатическими усилиями США по урегулированию британо-иранского нефтяного кризиса, к “мониторингу” ситуации в стране были привлечены и американские спецслужбы. С конца 40-х годов XX в. их деятельность в Иране разворачивалась по пяти направлениям. Во-первых, среди племен, населявших южный Иран, с целью подготовки повстанческого движения в случае советского вторжения была организована целая агентурная сеть. Во-вторых, на случай большой войны были проложены маршруты для продвижения и отхода войск и беженцев. В-третьих, с привлечением азербайджанцев, армян и других этнических групп, живущих по обе стороны границы, проводились разведывательные и диверсионные операции против СССР. В-четвертых, в Иране тщательно мониторилась советская деятельность. И, наконец, в 1948 г. в Иране началась реализация упомянутой выше операции “BEDAMN”, которая осуществлялась через сеть, возглавлявшуюся двумя иранцами под вымышленными именами Неррен и Силли. Немаловажной целью операции “BEDAMN” было подорвать влияние Национального фронта среди народа, ослабить его массовую базу, оторвать от него влиятельных политиков, например, соратника М. Мосаддыка аятоллу А.Г. Кашани. Для этого ЦРУ не гнушалось самыми грубыми методами пропаганды и прямой клеветы, например, изображая М. Мосаддыка как коррупционера и аморальную личность, использовавшего популярных и честных религиозных деятелей типа Кашани в своих узкокорыстных интересах²¹.

С ростом международной напряженности и обострением внутривосточной ситуации в самих США (серия шпионских скандалов, разгул маккартизма – все это способствовало тому, что в стране нарастали антикоммунистические настроения) события в Иране все больше тревожили американцев. Если поначалу жалобы А. Гарримана на иранского премьера в Вашингтоне особенно остро не воспринимались, то по прошествии времени к этой информации стали относиться более серьезно. Восстание в поддержку М. Мосаддыка летом 1952 г., а вернее – та решительность, с которой начал действовать вернувшийся к власти премьер, не могли не отразиться на восприятии американцами ситуации в Иране. В те дни руководство США сочло, что власть шаха оказалась под угрозой. Именно тогда М. Мосаддык заставил монарха отправить подальше из страны его мать и сестру (которых справедливо считал своими недоброжелателями) за то, что обе женщины неупотребительно вмешивались в государственные дела. Премьер урезал шахский бюджет, сам себя назначил военным министром и убедил меджлис делегировать ему такой объем властных полномочий, какого Иран не знал со времени правления Реза Пехлеви в 20-х годах XX в.

Еще большие опасения вызывало в Вашингтоне укрепление позиций Туде (несмотря на то, что с февраля 1949 г., после совершенного членом партии Н. Мирфахара покушения на шаха М.Р. Пехлеви, в котором монарх чудом выжил, партия была объявлена вне закона). В силу того, что платформа Туде имела выраженный коммунистический характер и призывала Иран ориентироваться на Советский Союз, Вашингтон отождествлял ее деятельность с “рукой Москвы”. Позже Д. Ачесон признал, что страхи относительно Туде были необоснованными – партия не обладала ни достаточной идейной, ни организационной силой. Ей не хватало единства, ее многочисленных лидеров раздирали противоречия. Отметим, что сам М. Мосаддык, хотя и считал Туде орудием советского влияния, но, объективно оценивая возможности партии, не боялся ее²². Однако идея якобы готовившегося Туде коммунистического переворота казалась ему хорошим козырем в переговорах с американцами. Он любил повторять, что в результа-

²¹ *Gasiorowsky M.* The 1953 Coup D’Etat in Iran, p. 269.

²² *Fakhreddin Azimi.* The Configuration and Role of Domestic Forces. – Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran, p. 72.

те ослабления позиций Великобритании и отсутствия достаточной помощи со стороны американцев, Народная партия может стать реальной альтернативой существовавшему правительству.

По мере затягивания конфликта внутри администрации демократов, в частности, со стороны представителей силовых структур (министерства обороны и комитета начальников штабов) все более усиливался нажим на Г. Трумэна. Политическая ситуация в Иране, писал помощнику госсекретаря Д. Брюсу министр обороны США Р.А. Ловетт, “ведет к стремительному росту антизападных настроений и делает опасность государственного переворота – неважно, силами коммунистов или Национального фронта, – значительно более вероятной, чем того можно было ожидать”²³. Начиная с августа 1952 г. военные, считавшие, что “Объединенное Королевство больше не в состоянии в одностороннем порядке поддерживать стабильность в регионе”, стали требовать от администрации более решительных шагов. Видимо, рассуждали они, для Америки настало время “заменить” британское влияние в Иране, как это уже произошло в Греции, Турции и Саудовской Аравии; в борьбе с коммунизмом ставки так высоки, что риск испортить отношения с Великобританией меркнет на фоне главной идеологической и геостратегической угрозы. Интересно, однако, то, что, обосновывая необходимость изменения политики в отношении Ирана, Р. Ловетт не имел в виду меры военного характера. Он настаивал на существенном увеличении объемов экономической и финансовой помощи Ирану, направленной, в первую очередь на оживление нефтеперерабатывающей индустрии страны, и проведении политики, которая обеспечивала рынки сбыта иранской нефти. Самостоятельная американская политическая инициатива, по мнению министра обороны США, должна была стабилизировать положение в Иране и таким образом снять вопрос о военном вторжении с повестки дня. В то же время, отмечал Р. Ловетт, в том случае, если партия Туде попытается захватить власть, американцы должны быть готовы и к применению силы²⁴.

Однако Д. Ачесон, в целом признавая справедливость аргументации министра обороны, предпочитал действовать более осмотрительно. Перспектива разрыва с англичанами ему не нравилась. Поэтому осенью 1952 г. он вновь попытался прорвать тупик в переговорах. Процесс обмена многочисленными дипломатическими нотами в очередной раз продемонстрировал тщетность этих попыток. М. Мосаддык стоял на своем: он соглашался компенсировать англичанам только экспропрированную “физическую” собственность, категорически отказываясь обсуждать вопрос о выплате будущей прибыли. В конце концов, иранский премьер, которому уже не в первый раз докладывали о направленной против него тайной деятельности англичан, вышел из терпения и принял решение о разрыве дипломатических отношений с Великобританией. Это событие способствовало активизации процесса вовлечения американцев в конфликт.

Говоря об эволюции позиции администрации демократов в отношении Ирана, необходимо подчеркнуть ряд важных моментов. Во-первых, администрация Г. Трумэна рассматривала возможность ужесточения мер – как “специальных”, так и военных – лишь в качестве *ответных* (курсив мой. – *Е.Г.*) шагов – в случае “коммунистического” переворота или открытого вторжения. Во-вторых, члены администрации, включая самого Г. Трумэна, до самого конца срока пребывания в Белом доме не были уверены в том, что имеется приемлемая для Запада альтернатива М. Мосаддыку. Более того, многие в администрации считали, что именно М. Мосаддык, возможно, является гарантией демократии в стране²⁵. Вот почему Г. Трумэн на протяжении двух лет упорно отказывался обсуждать британское предложение об отстранении иранского премьера от власти. И, наконец, третье замечание касается отношения президента к “специальным”, т.е. тайным операциям против правительств других стран. Несмотря на то, что именно

²³ Robert Lovett, memorandum to State (Bruce), Aug. 16, 1952, RG 330, Box 16, CD 092 (Iran), USNA.

²⁴ Robert Lovett, memorandum to State (Bruce).

²⁵ Цит. по кн.: *Byrne M.* The Road to Intervention, p. 215.

Г. Трумэн является “отцом” ЦРУ, и что поначалу он довольно решительно (даже более смело, чем впоследствии Д. Эйзенхауэр) поощрял весьма рискованные разведывательные операции, со временем он стал осторожнее. После того, как многие из этих операций закончились неудачей, и особенно после того, как в Советском Союзе прошла испытания атомная бомба, президент стал не на шутку опасаться действий, которые могли спровоцировать конфликт с могучим противником. Касательно непосредственно Ирана настороженное отношение президента и госсекретаря к подобного рода действиям усугублялось тем, что англичане, уже неоднократно предпринявшие попытки свержения М. Мосаддыка (последняя из которых в октябре 1952 г. привела к многочисленным арестам заговорщиков и разрыву дипломатических отношений с Великобританией), терпели неудачи. К концу президентства Г. Трумэн отдалил от себя многих высокопоставленных чиновников им же созданного ведомства, с его точки зрения, слишком рьяно продвигавших идею тайных операций.

Важным событием в процессе эволюции позиции Вашингтона в отношении Ирана явились встречи главы британской разведки М16 в Тегеране К.М. Вудхауза с высокопоставленными чиновниками ЦРУ и госдепартамента США, состоявшиеся в начале ноября 1952 г. Целью визита полковника в Вашингтон было предложить американским коллегам совместную операцию по свержению М. Мосаддыка. Отправляясь на встречу в американскую столицу, К.М. Вудхауз знал, что традиционная аргументация – об “украденной” британской нефти – не вызовет энтузиазма в Вашингтоне, а потому имел в своем арсенале аргументы иного плана. “Не желая быть обвиненным в попытках заставить американцев таскать британские каштаны из огня, – писал он позже, – я решил сделать упор не на необходимости возвращения контроля над нефтью, а на коммунистической угрозе Ирану”²⁶.

Предложение британского разведчика вызвало удивление американцев, причем не только в госдепартаменте, но даже среди многих сотрудников ЦРУ. По-прежнему противился идее переворота Д. Ачесон и посол Л.У. Хендерсон – оба склонялись к продолжению дипломатического диалога. Даже в тегеранском бюро ЦРУ возможность США участвовать в подготовке переворота была приравнена к поддержке “англо-французского колониализма”²⁷. Тем не менее, в обоих ведомствах предложение англичан обещали изучить. Фактически с момента этой встречи англо-иранская “внутрисемейная” ссора по поводу распределения нефтяных доходов постепенно стала перерастать в международный политический кризис, логически разрешившийся в августе 1953 г. Одновременно центр управления кризисом смещался за океан, где все отчетливее осознавали беспомощность англичан. Из дипломатического посредника Вашингтон превращался в главного режиссера созревавшего заговора.

Встретившись в ноябре 1952 г. с вновь избранным президентом Д. Эйзенхауэром, Д. Ачесон поделился с будущим хозяином Белого дома опасениями в отношении процесса дезинтеграции иранской экономики и социальной структуры. Если не попытаться взять контроль ситуации в свои руки, рассуждал госсекретарь, кризис будет углубляться и может привести к тому, что у США не останется иного выбора, кроме как использование военной силы. Буквально через пару недель после этой встречи госдепартамент объявил, что “не будет возражать”, если американские компании станут покупать иранскую нефть. На протяжении последних недель пребывания на посту госсекретаря Д. Ачесон твердо поддерживал рекомендации Р. Ловетта не применять антитрестовские меры против крупных международных нефтяных корпораций, целью которых было создание стабильного рынка сбыта иранской нефти²⁸.

²⁶ Цит. по кн.: *Kinzer S. All the Shah's Men. An American Coup and the Roots of Middle East Terror*, p. 3–4.

²⁷ *Acheson D. Present at the Creation*, p. 683–685; *Roosevelt K. Countercoup: The Struggle for the Control of Iran*. McGraw-Hill, 1979, p. 9, 16.

²⁸ *Leffler M.P. Preponderance of Power*, p. 487.

Однако это отнюдь не свидетельствовало о каком-либо смягчении позиции Вашингтона в отношении М. Мосаддыка. Скорее наоборот: документы главного разведывательного ведомства США и Совета по национальной безопасности конца 1952 г. свидетельствуют не только об усилении интереса к проблеме, но и об ужесточении риторики администрации демократов в отношении этой страны. Так, в середине ноября 1952 г. эксперты ЦРУ и других правительственных ведомств совместно подготовили аналитическую справку, посвященную обзору ситуации в Иране. Несмотря на то, что специалисты сошлись во мнении, что М. Мосаддык “почти наверняка желает сохранить поддержку со стороны США в качестве противовеса СССР” и что “правительство Национального Фронта, скорее всего, в 1953 г. сохранит власть”, они отметили, что, “если существующие тренды и тенденции в Иране не будут сдерживаться после 1953 г., усиливающаяся внутренняя напряженность и продолжающееся экономическое ухудшение... могут привести к утрате правительством власти и откроют дорогу постепенному переходу контроля в руки Туде”²⁹. Посвященная ситуации в Иране директива СНБ 136/1 от 20 ноября 1952 г., выдержанная в значительно более жесткой тональности, указывала на то, что обстановка в стране “содержит в себе значительный элемент нестабильности” и “представляет риск государственной безопасности Соединенных Штатов” и что в случае осуществленного Туде переворота США должны “попытаться свергнуть коммунистическое правительство”. Более того, если СССР “начнет прямую атаку на страну (Иран. – *Е.Г.*), США, в зависимости от обстоятельств, могут трактовать это как *casus belli*”³⁰.

Вместе с тем, было совершенно очевидно, что какие-либо конкретные действия против М. Мосаддыка (тем более, тайная операция по его свержению) в администрации в это время не обсуждались. Директор ЦРУ У.Б. Смит и его первый заместитель А. Даллес были вынуждены сообщить своим английским коллегам, всерьез рассматривавшим возможность замены иранского премьера, что “до тех пор, пока Трумэн сидит в Белом доме, ничего сделать нельзя”³¹. Однако долго скучать в ожидании своего часа профессиональным американским разведчикам не пришлось. В результате прихода к власти республиканцев многие сторонники тайной операции продвинулись по служебной лестнице и оказались на ключевых постах новой администрации. Бывший заместитель директора ЦРУ А.У. Даллес встал во главе разведывательного ведомства, бывший директор ЦРУ У.Б. Смит получил должность заместителя госсекретаря, а бывший начальник Управления координации политики государственного департамента США, предназначенного для ведения политической, психологической и экономической войны против СССР, заместитель (с августа 1952 г.) начальника ЦРУ Ф. Уиснер стал во главе спецподразделения ЦРУ, ответственного за проведение тайных операций.

* * *

Конечно, взаимопонимание главы администрации и братьев Даллесов, и известная “предрасположенность” нового президента к тайным операциям ЦРУ отнюдь не означали, что Д. Эйзенхауэр вошел в Белый дом с намерением устранить М. Мосаддыка. Решение это вызрело под влиянием целого комплекса факторов – как внешнеполитических, так и внутренних, а также специфики ситуации в Иране. По принципиальным вопросам внешней политики – глобальная роль США в мире, угроза “спонсируемого” СССР коммунизма и необходимость активного противодействия ей – Д. Эйзенхауэр разделял взгляды предыдущей администрации. Это отражало феномен сложившегося в США двухпартийного консенсуса “холодной войны”. Общность взглядов имела и в отношении Ирана, который Д. Эйзенхауэр, также как и Г. Трумэн, относил к

²⁹ Central Intelligence Agency, Probable Developments in Iran Through 1953, National Intelligence Estimate (NIE) 75, November 13, 1952, 1–2, Harry S. Truman Library.

³⁰ U.S. National Security Council, “United States Policy Regarding the Present Situation in Iran”, NSC 136/1, Nov. 20, 1952. – Foreign Relations of the United States, 1952–1954, 10: 529–34.

³¹ *Gasiorowsky M.* The 1953 Coup D’Etat in Iran.

числу стран, в стратегическом плане “критически” важных для США. В то же время совершенно очевидно, что лозунг “отбрасывания коммунизма”, активно эксплуатирувавшийся республиканцами во время избирательной кампании, не был для них лишь пропагандистским ходом. Обещанная электорату наступательная позиция в отношении сдерживания коммунизма определенно влияла на оценку администрацией внутренней ситуации в Иране и, в частности, роли самого М. Мосаддыка. В отличие от демократов, новая администрация не была склонна считать его неким гарантом против коммунизма. В Вашингтоне с тревогой наблюдали за тем, как политические единомышленники удаляются от премьера и вокруг него образуется своеобразный политический вакуум. Критический момент для принятия решения о необходимости смещения М. Мосаддыка наступил в феврале 1953 г., когда бывшие соратники по Национальному фронту резко отмежевались от премьера, создав впечатление, что только партия Туде оказывает ему организованную поддержку. В Вашингтоне были сделаны выводы о реальной возможности коммунистического переворота в Иране. Отчасти эти опасения имели под собой основания: создавалось впечатление, что правительство действительно позволяет Туде действовать более открыто, а популярность партии на фоне экономического и социального кризиса и усиления в Иране антизападных настроений растет буквально с каждым днем. Особых затруднений по поводу выбора методов устранения иранского премьера в администрации не возникло: Д. Эйзенхауэр как военный человек и как политик понимал преимущества секретной операции – ее относительную дешевизну и несравнимо меньший общественный резонанс.

В марте 1953 г. госсекретарь США Дж.Ф. Даллес обратился к младшему брату с просьбой разработать детальный план смещения М. Мосаддыка с поста главы правительства³². Одновременно США стали настойчиво призывать англичан осознать тот факт, что АИНК уже не вернуть. Несмотря на горечь поражения в борьбе за “возвращение” нефти, новость о том, что США приняли решение о тайной операции, была встречена англичанами с воодушевлением.

План действий, заключался в том, что шах своими специальными указами – фирманами – должен был сместить М. Мосаддыка и назначить на его место генерала Ф. Захеда, выбранного западными архитекторами заговора на роль нового главы правительства. Среди иранских политиков Ф. Захеда являлся весьма неоднозначной фигурой. В Иране он был известен как пламенный патриот, искренне ненавидевший англичан и поначалу не только работавший в правительстве М. Мосаддыка, но и приветствовавший его решение аннулировать концессию АИНК. Выбор заговорщиков пал на генерала, главным образом, по двум причинам: их привлекла его личная неприязнь к премьеру и ярко выраженная ненависть к коммунизму. Важно отметить и тот факт, что в предстоящем перевороте генералу отводилась временная и второстепенная роль – фактически он должен был стать инструментом для возвращения реальной власти в Иране монарху. Главной фигурой в процессе свержения премьера и после переворота должен был стать шах М.Р. Пехлеви.

План готовился совместно ЦРУ и британской службой разведки (SIS). Разработка деталей операции была поручена интеллектуалам из обеих стран. С британской стороны за нее отвечали Энн К.С. Лэмбтон и Роберт Захнер, с американской – Д.Н. Уилбер. Консультировал проектировщиков заговора американский посол в Иране Л.У. Хендерсон. Непосредственным руководителем операции был назначен глава ближневосточного отдела ЦРУ, внук президента Т. Рузвельта, Кермит Рузвельт.

19 июня, после согласования на самом высоком уровне – с премьер-министром У. Черчиллем, министром иностранных дел Э. Иденом, президентом Д. Эйзенхауэром, госсекретарем Дж.Ф. Даллесом и шахом М.Р. Пехлеви, план, получивший кодовое название ТР-АЖАХ (британские спецслужбы дали операции название “Operation Boot”), был одобрен. Он предусматривал инструктаж и финансовую поддержку кандидата на пост главы правительства, а также других оппозиционных политиков, работу с шахом,

³² *Wilber D.N. Clandestine Service History, “Overthrow of Premier Mossadeq of Iran...”, p. 17.*

который фактически должен был благословить переворот, и подготовку общественного мнения, что, в сущности, являлось логическим продолжением операции “BEDAMN”, но теперь в качестве мишени имеющим непосредственно М. Мосаддыка. Завершение операции намечалось на середину августа.

В течение всего этого времени К. Рузвельт неоднократно посещал Иран, встречаясь с Ф. Захедами и другими ключевыми фигурами из оппозиции. Действовали разведчики очень аккуратно, об операции знал чрезвычайно узкий круг лиц. Показательным в этом смысле является признание одного из высокопоставленных правительственных чиновников – руководителя иранского агентства по техническому сотрудничеству У.Е. Уорна. “Сейчас это может показаться невероятным, – вспоминал он, – но, находясь на протяжении всего этого времени в Тегеране и являясь, в сущности, одной из ключевых фигур, представлявших США в Иране, я до полудня 19 августа даже не подозревал о готовившемся перевороте”³³.

25 июня на очередной встрече заместителя госсекретаря У.Б. Смита с Л.У. Хендерсоном, А. Даллесом и еще несколькими чиновниками из госдепартамента и ЦРУ обсуждались трудности, возникшие там, где, их, пожалуй, ждали меньше всего. Глава ближневосточного департамента ЦРУ доложил коллегам из правительства о том, что шах не желает обсуждать возможность смещения премьера без ведома парламента³⁴. Здесь следует сделать оговорку: на протяжении 1952 – 1953 гг. М.Р. Пехлеви твердо отстаивал данную позицию. Впоследствии это часто объяснялось его слабостью, нерешительностью и даже трусостью. Нельзя, однако, игнорировать тот факт, что монарх мог, не в последнюю очередь, руководствоваться конституцией страны, согласно которой шах не назначал премьера, а лишь утверждал решение меджлиса. Так или иначе, но для того, чтобы получить от иранского монарха два необходимых фирмана – об отстранении М. Мосаддыка и назначении на его место генерала Ф. Захеда, – по мнению архитекторов секретного плана, требовалось “оказать на него значительное давление”³⁵. Для выполнения этого деликатного поручения были выбраны две кандидатуры – сестра-близнец М.Р. Пехлеви, умная и энергичная принцесса Ашраф и бригадный генерал Н. Шварцкопф, который в 1942–1948 гг. возглавлял военную миссию США в Иране.

16 июля представитель высшего британского руководства АИНК Г. Самерсет и офицер британской разведки Н.М. Дарбишир встретились с принцессой, отдыхавшей на французской Ривьере и по обыкновению проводившей время в казино, и попросили ее убедить брата поставить подпись под фирманами. Поначалу Ашраф отказывалась от этой миссии, ссылаясь на то, что ее появление в Тегеране вызовет негодование премьер-министра. Однако, как пишет Д. Уилбер, “официальные представители провели с ней еще две встречи, после которых она согласилась выполнить то, о чем ее просили”³⁶. Согласие принцессы стоило ЦРУ “некоторой наличности” и норковой шубки.

С заданием Ашраф не справилась. Ее прилет в Тегеран 25 июля возмутил не только М. Мосаддыка, но и самого шаха, который встретился с сестрой лишь за несколько часов до ее отлета из страны. Скорее всего, М.Р. Пехлеви, зная свойственную принцессе склонность к авантюрам, не поверил в то, что инициатива переворота исходит от правительств США и Великобритании, и отказался обсуждать с ней столь опасный план³⁷.

³³ Oral History Interview with William E. Warne. Independence, Missouri. May 21, 1988. By Neil M. Johnson. Truman Presidential Museum & Library. Здесь следует предположить, У. Уорн имел в виду, что глава офиса ЦРУ в Иране действительно был не задействован в процессе подготовки операции, поскольку, как уже упоминалось, возражал против нее по идейным соображениям. Видимо, по этой причине, летом 1953 г. он был смещен с этого поста.

³⁴ *Roosevelt K. Countercoup*, p. 12, 19.

³⁵ *Wilber D.N. Clandestine Service History*. “Overthrow of Premier Mossadeq of Iran...”, p. 22.

³⁶ *Ibidem.*, p. 23.

³⁷ *Mokhtari F. Iran’s 1953 Coup revisited: Internal Dynamics versus External Intrigue*. – *Middle East Journal*, 2008, v. 62, № 3, p. 476.

На случай неудачи принцессы у ЦРУ имелся “дублер” – Н. Шварцкопф. Шах генерала хорошо знал и уважал, чем и решили воспользоваться заговорщики. Миссия Н. Шварцкопфа была едва ли более результативной. М.Р. Пехлеви отказался подписывать декреты, но озвучил приемлемый вариант смены правительства: М. Мосаддык распускает меджлис (чем он уже не раз грозил) и монарх получает предусмотренное конституцией право назначить нового премьера. При этом шах отдельно оговорил важное условие – гарантии поддержки со стороны правительств Великобритании и США.

Такие гарантии шаху были предоставлены, причем в весьма неординарной форме. Упоминание об этом эпизоде в отчетном докладе разведывательного ведомства США свидетельствует не только о размахе, серьезности и тщательности подготовки заговорщиков, но и об их изобретательности. В процесс реализации операции была вовлечена британская правительственная радиостанция и даже Д. Эйзенхауэр лично – непосредственно это касалось выполнения условий шаха. В оговоренный М.Р. Пехлеви день в эфире ВВС вместо привычной фразы “Время – полночь” прозвучало заранее оговоренное изменение текста “Точное время – полночь”. Так выполнила требования иранского монарха британская сторона. Участие президента в этой остросюжетной драме проявилось в том, что 4 августа в Сиэтле во время выступления на конвенте губернаторов штатов он в какой-то момент, отвлекшись от текста доклада, заявил, что США не будут безучастно наблюдать, как Иран падает за Железный занавес. М.Р. Пехлеви получил подтверждение и американских гарантий³⁸.

Одновременно в самом Иране, главным образом, усилиями К. Рузвельта велась работа по подкупу парламентариев, издателей, видных журналистов, военных и религиозных деятелей. По оценке Д. Уилбера, накануне путча на содержании ЦРУ находилось более 80% столичных газет и журналов³⁹. Буквально каждый день ведущие издания (в соответствии с планом заговорщиков⁴⁰) публиковали интервью депутатов, недовольных политикой М. Мосаддыка, общественное мнение будоражили разоблачения фактов коррупции премьер-министра и его сотрудничества с партией Туде и Советским Союзом. Эта выдуманная ЦРУ дезинформация, безусловно, способствовала обострению и без того непростой внутривосточной ситуации в Иране. Конечно, сегодня нам трудно оценить степень эффективности антиправительственной деятельности ЦРУ и британских спецслужб – соотношение внутренних и внешних факторов в процессе устранения М. Мосаддыка и по сей день остается одним из наиболее сложных вопросов иранских событий, но очевидно одно: свою лепту в дестабилизацию ситуации они внесли. На протяжении весны и лета 1953 г. улицы и площади Тегерана наводняли бесконечные демонстрации и митинги, организованные как сторонниками, так и противниками М. Мосаддыка. Толпы людей, называвших себя членами партии Туде, становились шумнее и активнее буквально с каждым днем. Противостояние наблюдалось не только на улицах – острые дебаты между лояльными правительству депутатами и оппозицией по всем мало-мальски важным вопросам велись в иранском парламенте. В итоге, меджлис оказался практически недееспособным. В конце июля М. Мосаддык принял решение о его роспуске и назначении новых выборов. Однако под нажимом оппозиции он был вынужден поставить вопрос на референдум. Результаты референдума были сфальсифицированы, что стало достоянием общественности и вызвало мощную волну направленного против М. Мосаддыка народного протеста. В этих условиях согласие шаха поставить подпись под необходимыми фирманами оказалось как никогда вовремя.

Казалось, заговорщики все предусмотрели. Но несмотря на столь тщательную подготовку, первая попытка переворота потерпела оглушительный провал. В ночь на 16 августа начальник службы охраны шаха полковник Н. Нассири, задачей которого было вручить премьеру указ об освобождении от должности, появился рядом с домом

³⁸ *Wilber D.N.* *Clandestine Service History, “Overthrow of Premier Mossadeq of Iran...”*, p. ix-x, 24.

³⁹ *Ibid.*, p. 24–34.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 16.

премьер-министра в сопровождении четырех грузовиков с солдатами и бронетранспортером и... был немедленно разоружен и арестован людьми М. Мосаддыка.

По оценкам американских участников операции, ее провал был обусловлен, во-первых, утечкой информации из стана заговорщиков (как заявил начальник канцелярии М. Мосаддыка генерал Т. Риахи, о путче, назначенном на полночь, он знал уже в пять часов вечера 15 августа) и, во-вторых, полной неспособностью офицеров из окружения генерала Ф. Захеда к решительным действиям. «Нам пришлось приложить максимум усилий для того, чтобы объяснить говорливым и зачастую нелогичным персам, какие конкретно действия требуются от каждого из них», – писал в своем докладе Д. Уилбер⁴¹. Сначала Ф. Захеда, уже имея на руках указы монарха, отложил действия почти на сутки; затем роковую для заговорщиков роль сыграла несогласованность и нерасторопность военных – Н. Нассири с фирманами оказался у дома М. Мосаддыка прежде, чем туда подтянулось армейское подразделение, задачей которого являлось обеспечение прикрытия заговорщиков. У премьера, таким образом, было достаточно времени, чтобы мобилизовать проправительственные силы и пресечь попытку переворота.

М. Мосаддык денонсировал фирман, объявив его фальшивкой. Лояльные премьеру отряды армии перекрыли стратегически важные улицы Тегерана. Оппозиционно настроенные депутаты, а также подозревавшиеся в участии в заговоре военные были незамедлительно арестованы. Ф. Захеда удалось скрыться – как выяснилось чуть позже, он спрятался на конспиративной квартире ЦРУ. Шах и шахиня спешно покинули столицу. Даже в этой части план дал осечку: на случай неудачи было предусмотрено, что семья монарха улетит в Багдад, но иранский посол в Ираке выступил против шаха, который в результате решил укрыться в Риме.

Арест Н. Нассери вызвал в ЦРУ глубокое разочарование – по всей вероятности, именно факт провала операции фиксировала фраза о том, что «штаб-квартира провела день в состоянии уныния и отчаяния». Оценив обстановку как непоправимую, руководство приказало прекратить операцию и безотлагательно эвакуировать ее ключевых исполнителей из Ирана⁴².

Однако до финала было еще далеко. В какой-то момент на авансцене разыгрывавшейся в Иране драмы осталась одна фигура – К. Рузвельт, который фактически проигнорировал приказ начальства. Для кадрового офицера ЦРУ это был рискованный поступок, и можно только гадать, какими соображениями в тот момент руководствовался К. Рузвельт. Возможно, была задета его профессиональная честь, возможно, он не мог смириться с тем, что до малейших деталей продуманный и казавшийся совершенным план был загублен некомпетентностью и неповоротливостью иранских исполнителей.

К. Рузвельт и его ближайшие сподвижники предприняли ряд спонтанных и, как могло показаться, нескоординированных действий, которые в результате и обеспечили искомый результат. Было принято решение о немедленном тиражировании и распространении обоих фирманов шаха. Уже в тот же день, 16 августа, размноженные копии указов с помощью иранских агентов ЦРУ и нескольких работавших в Иране американских репортеров были опубликованы и распространялись в виде листовок. Главной целью К. Рузвельта было донести до населения, что фирманы подлинны и, следовательно, арест сторонников Ф. Захеда не законен. Далее К. Рузвельт отдал распоряжение распечатать листовки, призывавшие армию поддержать шаха. Их распространение оперативно обеспечивалось не только в Тегеране, но и в других крупных городах страны. Параллельно расчет делался на массовые выступления иранцев, которых агенты ЦРУ вывели на улицы Тегерана 17 августа. Несколько таких толп должны были изображать из себя сторонников Туде, выкрикивая соответствующие идеологии партии лозунги⁴³.

⁴¹ Ibid., p. 19.

⁴² Ibid., p. 64.

⁴³ Ibid., p. 65–77.

Манифестация была полностью оплачена ЦРУ⁴⁴. Главной целью организаторов акций было нагнетание в обществе страха относительно надвигавшегося коммунистического переворота. В течение короткого времени к лжедемонстрантам присоединились настоящие сторонники Туде, понятия не имевшие о том, что происходившее было провокацией. Агрессивность толпы увеличивалась по мере роста ее численности: демонстранты начали погромы, ворвались в мавзолей и сбросили с постаментов статуи шаха и его покойного отца. Манифестации продолжились и на следующий день. Под давлением посла Хендерсона М. Мосаддык бросил бушующей толпы полицию. Это было роковое решение: полицейские сразу приняли сторону “народа”. Фактически этот шаг премьера расколол две силы, которые могли и должны были объединиться против инспирированного западными спецслужбами переворота – партию Туде и коалицию Национального фронта. Видимо, по причине недавних напряженных отношений с М. Мосаддыком Туде не сделала ничего, чтобы спасти правительство. Не попытались защитить М. Мосаддыка ни армия, ни полиция.

Теперь для успешного завершения операции К. Рузвельту было необходимо аккумуляровать всю разноплановую протестную энергию и направить ее непосредственно против М. Мосаддыка. План был прост – создать в Тегеране как можно больше беспорядков и продемонстрировать бессилие правительства. Для этого ему была нужна популярная в народе фигура – желательно кто-то из представителей клерикальных кругов. Он остановил свой выбор на бывшем соратнике премьера аятолле Кашани, который, используя в качестве повода для манифестации якобы “насильственное” изгнание шаха из страны, сумел собрать огромную толпу народа, двинувшуюся с находящегося на юге Тегерана базара на север столицы. При этом агенты ЦРУ договорились с лидерами враждующих группировок, которые выступали с базара друг за другом и якобы друг против друга. Толпа бесчинствовала: хулиганы били витрины, нападали на прохожих, расстреливали мечети. При этом они скандировали заготовленные ЦРУ лозунги “Да здравствует Мохаммед Мосаддык!”, “Коммунизм победит!” и т.д. Покидая места погромов, они оставляли заранее припасенные и указывающие на принадлежность Туде “улики”: у народа не должно было остаться никаких сомнений – коммунисты пытаются захватить власть в Иране. Хулиганские действия в мечетях оскорбляли достоинство и разжигали гнев иранцев, а оплаченные ЦРУ муллы тут же, в толпе, разъясняли верующим “суть” событий и называли их главного виновника – это никудышный премьер-министр М. Мосаддык не желает и не может остановить богохульников-атеистов.

Потоки манифестантов растекались по улицам иранской столицы. У здания радио Тегерана, взобравшись на танк, к народу обращался покинувший свое убежище генерал Ф. Захеда. Митингом у здания парламента руководили сторонники оппозиции, убеждавшие народ в необходимости поддержать шахские фирмы, вернуть монарха и наказать предавшего иранский народ премьера. Огромная толпа собралась у резиденции М. Мосаддыка. Одновременно к Тегерану стягивались принявшие сторону Ф. Захеда войска. В толпе началась стрельба, причем не только в воздух – бандиты стреляли в людей. Кто-то попытался бежать, но сделать это было непросто, поскольку толпа уже была оцеплена танками и военными. Таким образом, все развивалось по сценарию К. Рузвельта: теперь вероломного М. Мосаддыка можно было отстранить от власти и призвать к ответу за совершение кровавых преступлений против собственного народа.

К вечеру 19 августа, после 9 часов побоища, у резиденции премьера и на прилегающих улицах лежало около трехсот тел погибших. Стены вокруг дома были разрушены танками и артиллерийскими снарядами. Кругом полыхал огонь. Во время предпринятого отряда Ф. Захеда штурма дома М. Мосаддык скрылся через чердак, однако, осознав бессмысленность побега и обессилив, уже на следующий день он сдался своему бывшему соратнику.

⁴⁴ По первоначальной задумке, в апреле 1953 г. иранскому бюро ЦРУ на выполнение операции по подготовке переворота был ассигнован 1 млн. долл.; впоследствии, начиная с 20 мая, предполагалось тратить еще около 11 тыс. долл. в неделю. Однако, судя по источникам, эти деньги не были потрачены. К. Рузвельт отчитался за 100 тыс. долл. – *Roosevelt K. Counter coup*, p. 166.

Итоги проведенной ЦРУ операции следует оценивать не только в ближнесрочной, но и долгосрочной перспективе.

М. Мосаддык был обвинен в государственной измене и осужден на три года тюрьмы. Возвратившись на свободу, до самой смерти в 1967 г. он находился под домашним арестом.

22 августа 1953 г. еще не до конца верившие в то, что им удалось избежать изгнания, шах и шахиня Сорейя вернулись на родину. В интервью журналистам М.Р. Пехлеви сказал: “Мой народ продемонстрировал преданность монархии; два с половиной года лживой пропаганды не отвратили его от меня. Моя страна не захотела принять коммунистов и сохранила мне верность”⁴⁵. Лично к К. Рузвельту шах обратился со словами, которые впоследствии буквально потрясли общественность: “Своим тронем я обязан Богу, моему народу, моей армии и тебе!”⁴⁶. Памятуя о тяжелых для монархии августовских днях, он сразу же приступил к созданию в стране деспотического, репрессивного режима, орудием которого стала тайная полиция “Савак”.

В 1954 г. шах подписал новые условия нефтяной концессии. АИНК стала называться “Бритиш Петролеум”, американские компании в равных долях поделили 80% будущей прибыли с англичанами, а остальное должно было достаться голландцам и французам. Соглашение, действовавшее вплоть до 1979 г., по всем параметрам было значительно менее выгодным, чем то, что неоднократно предлагалось М. Мосаддыку в процессе переговоров.

Что касается США, то операция “Аякс” в определенном смысле стала началом их новой внешней политики в “третьем мире”. По оценкам американских специалистов, это был удачный переворот. Успех “Аякса” способствовал продолжению практики секретных операций в суверенных странах. За Ираном последовала Гватемала, затем Чили и т.д. Тем более важно было понять причины вовлечения США в иранский конфликт. Несмотря на то, что рассекреченные ЦРУ документы – лишь небольшая часть архива, содержащего материалы о государственном перевороте 1953 г., они, безусловно, содержат в себе ценную информацию, позволяющую пролить свет на события шестидесятилетней давности. Раньше исследователи, имевшие в своем распоряжении в основном британские документы, которые касались, в первую очередь, деятельности англичан в Иране, имели довольно четкие представления о позиции Туманного Альбиона в отношении иранских событий. Получив – хоть и неполный – доступ к документации ЦРУ и сопоставив ее с другими американскими источниками, мы можем с уверенностью сказать, что британский взгляд весьма существенно отличался от той позиции, которую занимали американцы. Для Великобритании переворот 1953 г. стал закономерным завершением англо-иранского нефтяного кризиса; весь конфликт Лондоном рассматривался в контексте противостояния местного национализма имперским устремлениям европейской державы. Для политиков и разведчиков с Туманного Альбиона основным вопросом на протяжении всего кризиса была нефть и приносимые ею доходы. Мотивировки американцев выглядели значительно сложнее, равно как и ставки Вашингтона в большой политической игре были существенно выше. США оперировали соображениями не столько экономического, сколько политического и стратегического характера. Не случаен был и выбор столь жесткого инструментария – тайной операции по свержению правительства суверенного государства, который вполне отвечал нарастающему накалу биполярного противостояния начала 50-х годов XX в.

⁴⁵ *Wilber D.N. Clandestine Service History. “Overthrow of Premier Mossadeq of Iran...”*, p. 76.

⁴⁶ *Roosevelt K. Counter coup*, p. 187.